

Кристи Лоовус

АРХЕТИПЫ ВЕЧНОСТИ

16+

Кристи Лоовус
Архетипы вечности

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лоовус К.

Архетипы вечности / К. Лоовус — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97819-5

Деметрис – молодой сорвиголова, который окончил обязательное обучение и стоит на пороге взрослой жизни в единственном оставшемся на Земле техногенном мегаполисе. Наая – слепая дикарка из племени, мутировавшего и живущего в гармонии с дикой природой. Мир Деметриса подчинён жёстким законам государственного аппарата, мир Нааи – не менее жёстким, но справедливым законам естественного отбора. Оба сообщества зависят от скудных ресурсов планеты, в частности – от грибного протеина. Какой причудливый виток уготовила эволюция? Есть ли у Дэма шанс стать героем? Что может видеть слепая? Судьба предопределяет архетип, но при выборе пути не последнюю роль играют грибы.

ISBN 978-5-532-97819-5

© Лоовус К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Брат	5
Глава 2. Сестра	8
Глава 3. Тусовка	12
Глава 4. План Y	17
Глава 5. Встреча	20
Глава 6. Дары	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кристи Лоовус

Архетипы вечности

Часть 1

Глава 1. Брат

«Ты можешь быть чем хочешь казаться! Ты можешь быть чем хочешь казаться! Ты можешь бы-ы...» – завопил динамик, как только дверь моего жилища мягко скользнула в сторону, а я ещё даже не успел переступить порог. Я жестом отмахнулся от навязчивой рекламы очередного улучшенного, самого крутого и невероятно дорогого блока дополненной персонификации. Динамик заткнулся.

Мой блок меня вполне устраивал: хоть он и был подарен на день появления целых два года назад, но поддерживал до двенадцати полностью персонифицированных интерфейсов и имел доступ к галереям официальных интерфейсов, которые исчислялись тысячами. Ну и конечно, после некоторых манипуляций у моего хорошего кореша мог хранить и полностью андеграунд моды. Их у меня было пять. Вот самый первый и, наверное, поэтому самый нежно любимый – маленькая девочка в платье воланом, у которой вместо левой руки были щупальца осьминога. Классно в такой моде прийти в клуб и построить глазки лошкам до двадцати. Или вот другой – таинственный воин-тень, одетый полностью в чёрное: тонкий, гибкий, похожий на стальную струну. Или... но что-то я увлёкся. Подпольные моды не наденешь каждый день, даже дома их лучше не доставать. Могут конфисковать вместе с блоком персонификации, влечь штраф, отправить на какие-нибудь позорные общественные работы и вообще, взять на учёт. Так что покрасоваться в них я мог только в компании такой же оторванной молодёжи, как и я, в закрытых клубах и подвалах Россо и Моссо.

Я включил окно с видом на горный пейзаж, умылся прямо на кухне (оставалось ещё 2,34 л воды до конца суток, неплохо), махом запрыгнул на серый безликий диван и только тогда отключил свой блок дополненной персонификации.

Мой ежедневный мод был вполне похож на меня настоящего: немного постарше для солидности, но видно, что не более тридцати, чтобы не скатиться в скучную категорию постградуентов из компании моей сестры; волосы светлее и длиннее, чем у меня, более здоровая и румяная кожа, ну и конечно, большой процент мышечной массы – приятно посмотреть и девочкам, и мне самому. Одевался я неброско – кожаная куртка, тёмные джинсы и любимые боты на платформах, которые натурально делали меня выше и позволяли отключать в моде опцию визуального увеличения роста. Никаких голографических гейских леггинсов, вычурных жабо с кружевами или синтетического цвета кожи. Я просто хороший парень, который в свой 21 год как раз выпустился из школы и теперь должен целых два года отвести на «определение» – то есть поболтаться то там, то сям, поработать интерном сначала в компаниях, куда нас распределили после школы согласно результатам выпускных тестов, потом поискать что-то самому, ну и пооттягиваться, конечно, пока двери университета не закрыли меня в почти стерильном кубике общежития. Оно только исторически называлось общежитие, на самом деле я бы окрестил эту комнатку моножитием или даже изолятором, из которого можно выбираться только в скучные и такие же стерильные аудитории, инфотеки, столовую и спортивный зал кампуса.

Студенты – это последняя возрастная категория, находящаяся на практически полном содержании Института Планирования Населения. При этом благодаря заложенным в них генетическим данным они привилегированы получать высшее образование вместо того, чтобы всю

жизнь трудиться на физических работах. Неудивительно, что за ними ведётся строгий контроль: ИПН не хочет тратить свои средства впустую. В зависимости от специальности, учащиеся посвящают от десяти до двенадцати лет своей жизни обучению в стенах Национального университета: ни одного дня не должно быть потрачено впустую, только к знаниям, вперёд на благо общества, получать и применять на практике. Даже время для отдыха подчинено контролю: понятно, что освещение выключают с расчётом на 8 часов сна ежедневно, так ещё 6 часов в неделю студент обязан уделить физическому здоровью и 12 часов посвятить общественным работам!

Я довольно насмотрелся на быт студентов во время редких, но регулярных посещений общежития сестры. Только благодаря своей феноменальной памяти и работоспособности она успевала прорабатывать учебные материалы раньше установленных сроков и поэтому находила возможность встречаться со мной и даже выбираться за пределы кампуса.

О, сестра моя. Умничка. Никита Анна Александра Волкова, шестьсот тысяч восемьсот двенадцать триста двадцать шесть – последние девять цифр регистрационного номера я добавляю специально и произношу неимоверно официальным тоном, дабы подчеркнуть значимость ситуации. Маленького роста (это у нас семейное, ха-ха), сероглазая, строгая, целеустремлённая и просто фанатично помешанная на своей ботанике, ах извините, микологии. Она не прощает неточности в терминологии даже мне. Я зову её Никки, в честь греческой богини победы. Мне можно. Разница в возрасте позволила нам сформировать интересные отношения, завязанные на её околوماتеринских чувствах ко мне, на дружеском общении сиблингов и на моём воинственном норове защитника. Я хоть и младше, но порву любого, кто посмеет её обидеть, хотя, признаюсь честно, смельчаков сделать это не так уж и много. Сестра может обратить в камень обидчика (или обидчицу) одним только взглядом своих холодных глаз.

Вообще, наличие сиблингов сейчас как-то выходит из моды – исследования Института Планирования Населения показывают, что обществу удобнее работать с двойняшками, тройняшками и так до десятирняшек. Обладая полностью идентичным генотипом, они все же могут проявлять разные фенотипы, особенности характера и даже заболевания, которые тем не менее попадают в какой-то определённый диапазон, в котором всё это проще предугадать, быстрее выявить и эффективнее исправить. Но мне эти «многоняшки» не нравятся, слишком много одинаковости и предсказуемости, где же возможности для естественной эволюции? Глядишь, так выведем идеального мужчину и женщину, станут вообще все идентичными, а потом выяснится, что это не тот путь, по которому стоило идти, и для выживания не хватает именно тех мутаций, которыми наш ИПН пренебрёг...

Короче, хоть я и не идеален, но зато живуч, и мне греет сердце наше с Никки родство из общей яйцеклетки. А учитывая, что удачный выбор яйцеклеток всегда меньше, я имею все шансы стать дядей.

Так вот, сестричке Никки уже 32, и это значит, что в ближайшие три года она будет писать выпускную работу и натурально выпускаться из своего стерильного учебного заведения в реальную жизнь, ненамного, но всё же менее стерильную. Кто бы мог подумать, но именно благодаря моей учёной сестрёнке нас и ожидает неплохая заварушка. В рамках изучения развития грибных культур и внедрения новых сортов в пищевую промышленность она получила разрешение на посещение дикарей, или, выражаясь культурно, этноплемён.

Этноплемена, как известно, живут вне границ СтарСити и даже вне границ всего Кумпола. Они, как и мы, активно растят грибные культуры, но, в отличие от нас, не используют ровно никакого программного обеспечения для контроля роста, не прибегают к генным модификациям и не опрыскивают мицелии факторами роста. Я даже не уверен, что они растят свои грибные поля на гидропонике, не удивлюсь, если грибы прут у них прямо из сырой земли. При этом дикари получают достаточные урожаи и питательную ценность продукта. Я читал, что количество выращиваемых дикарями съедобных сортов грибов превышает сотню. Невероятно!

Для сравнения могу сказать, что в наших пищевых блоках можно найти около десяти, максимум двенадцати разновидностей. Основными и всем давно приевшимися остаются шампиньоны и вешенки. Я люблю ещё опята, но это уже не каждый день по карману. Также можно купить дешёвый грибной протеин, который получают из нескольких видов каких-то микроскопических грибочков типа плесени. Он якобы полезный, но почти безвкусный, поэтому его полезность тут же балансируется неполезностью ароматизаторов и заменителей вкуса, без которых жрать его не станешь. Я думаю, его вывели специально, чтобы рабочие слои населения не дошли от голода, ну и вообще не болели бы от физического истощения, не расходовали ресурсы медицинских учреждений, а спокойно трудились бы на конвейерах Цистерны. Но это уже лирика.

В общем, было бы действительно неплохо разнообразить полки местных пищевых блоков вкусными грибами. Никки уже 9 лет изучает традиционные дикарские механизмы воздействия на культивацию грибов и хочет адаптировать их под процессы современного сельского хозяйства в СтарСити. Так как она крутой и подающий большие надежды молодой учёный, к тому же благонадёжный и достойный доверия, то смогла получить грант от Национального университета для проведения полевых исследований. Уж эти ребята знают, когда человек действительно нашёл дело жизни, относится к нему со всей страстью и точно принесёт пользу нашему скромному почти шестидесятиmillionному обществу. А практическая польза от трудов одного человека – это хорошие деньги для самого Нацунивера, тут даже мне понятно.

Полученный Никки грант выражается не столько денежными средствами, сколько миллионом разных документов, дающих ей доступ за границы Кумпола. И мне заодно, на правах личного охранника (не зря я пятнадцать лет лупил мальчишек в секции по вольной борьбе) и фотографа (а это, признаюсь, притянуто за уши). С момента подачи заявления от имени руководителя проекта, профессора Серафима Серджио Чалых, на прохождение всех тренингов и получение тысячи и одной электронной записи на наших чипах ушло больше года. Никки говорит, что этот срок вполне оправдан, я же считаю, что СтарСити погряз в бюрократии космического масштаба. Но теперь все документы у нас на руках, точнее, на чипах, и до старта осталось четыре дня.

Завтра я пакую походный рюкзак, и в среду мы летим на остров Карнаки – особый пограничный пункт на юго-западной окраине Кумпола. На самом деле это никакой не остров в географическом понимании этого слова. Откуда под Кумполом взяться островам, если вода у нас в вечном дефиците? Карнаки – это что-то вроде большой платформы, которая на специальных сваях высотой около двух километров возвышается над поражённой радиацией приграничной почвой. Насколько я знаю, по периметру Кумпола несколько таких островов. Наверняка большая часть засекречена, но даже о тех немногих, которые теоретически доступны каждому жителю СтарСити, громко говорить не принято, а побывать там могут далеко не каждый.

Я знаю, что сестрёнка уже волнуется, хоть и не показывает эмоций. Что же говорить про меня, вчерашнего выпускника со школьной скамьи. Я мандражирую больше, чем перед регистрацией права на виртуальные свидания с девушками. Я выйду за пределы Кумпола. Я смогу увидеть настоящих дикарей. Я две недели буду тусить в диких джунглях. Я – Деметрис Анна Александр Волков, номер шестьсот тысяч восемьсот двенадцать девятьсот сорок три, или просто Дэм.

Глава 2. Сестра

Я знала, что сегодня все придут пораньше, и хотела оказаться первой. Побывать в лаборатории в одиночестве, выдохнуть, настроиться на нужную волну. Пришлось ставить рассвет на 05.45 и урезать время на утреннюю пробежку до 10 минут. Не люблю выбиваться из привычного графика. Это чересчур активизирует симпатическую нервную систему, одновременно лишая чувства упорядоченности. Но сегодня был непростой день.

Чтобы не было времени на лишнюю нервозность, я максимально быстро собралась, включила блок дополненной персонификации и выбрала свой стандартный рабочий модуль: аккуратное каре прямых пшеничных волос, тёмно-серая водолазка, шарфик в пастельных тонах, узкие чёрные брюки со стрелочками, чёрные же полуботинки на толстой подошве. И необходимый минимум для поездок – плотная защитная куртка (выглядит ну совсем как кожаная, с сеточкой блестящих пор, с аккуратно морщинистыми складками на сгибах и немного жёсткая на ощупь), такие же чёрные перчатки и шлем. Я ввела свой персональный код на панели управления пищевым блоком, и он выплюнул прохладный контейнер с завтраком, точно рассчитанным на мои индивидуальные потребности. Медленно выпив маленькими глотками положенные 150 мл воды, я сразу села в скутер. Вода приятно освежила, но ЖКТ ещё не проснулся и не включился в работу, так что есть не хотелось. Я забрала утренний рацион на работу. Перекушу позже, никто и не узнает. И всё же я не могла скрыть от себя, что это утро слишком сильно идёт не по правилам.

Скутер вылетел из гаража, как маленький целеустремлённый жук. Я много раз видела таких в резервации и, видимо, скоро увижу в самой настоящей натуральной среде обитания. Небо за куполом светлело, искусственное освещение в верхних полосах движения было уже отключено. Я летела на двух третях от дна города, по полосе НЗ: достаточно быстро, чтобы не отвлекаться от контроля управления, но при этом не слишком высоко – не люблю брать на себя обязательство гонять по верхам, даже в такое раннее утро, когда на гоночных полосах практически пусто. Скутер слушался меня беспрекословно – я всегда получаю удовольствие от полётов в раннее утро, именно тогда, когда участникам воздушного движения разрешена максимальная скорость.

Город методично просыпался: поуровнево отключались маленькие местные уличные диоды, погружая здания в серую рассветную дымку. Дневное освещение города генерировалось зенитной частью Кумпола, заменяя нам настоящее солнце. Как бы в компенсацию слабого утреннего освещения снаружи на полосы движения просачивался свет от внутренних светильников в хаусах жителей верхних этажей. Там обитал самый состоятельный класс СтарСити. Они имели многие блага и даже настоящие окна из гипсостекла – эх, мечта.

Я добралась до кампуса за 13 минут 46 секунд. Неплохо, хоть и не рекорд. «Только рекордов мне сегодня не хватало! Для выброса норадреналина будет ещё достаточно поводов», – улыбнулась я себе. В лаборатории было пусто, тихо, безопасно. Приглушённый свет, длинные ряды стеллажей с аккуратными серыми выдвижными ящиками и столешницами. Привычные запахи влаги, микроудобрений и грибного хитина. Я не переносу суеты, и скопление даже четырёх человек нашей команды иногда повышает мой уровень кортизола. Неприятно. Плохо влияет на концентрацию и, как следствие, на результаты работы и самооценку. Учитывая предстоящую экспедицию, и я, и команда и так были взвинчены. Поэтому лучше закончить основные дела до прихода ребят. Мне было поручено проверить списки оборудования, чтобы Макс мог до конца дня собрать все физические и виртуальные предметы.

Я включила таблоид и начала проверку. Транспортные средства (а их нам полагалось всего два: основной квадрокоптер и двухместный скутер) остаются на Базе после доставки и высадки нас в хижине. Отлично, они уже получили утверждение от профессора Чалых.

Дальше. Экипировка в двух комплектах на каждого участника команды, кроме самого профессора, конечно – он не идёт в полевые работы, а остаётся координировать нас с Базы и держать связь со СтарСити. На экране таблоида вышло трёхмерное изображение костюмов, их техническая спецификация и количество: 4 основных в полной комплектации и 4 запаски попроще. Так как все учения проходили в муляжах, реальную экипировку я пока видела вживую только один раз – во время контрольной примерки, и должна признать, что она произвела на меня впечатление. В поле нам нельзя использовать привычный блок дополненной персонификации, так что каждый будет работать в собственном теле и в своём истинном размере. Немного пугающе. Защиту от внешней среды, очистку воздуха, связь с Базой и между собой, первую помощь и даже фильтрацию питьевой воды должен будет выполнять костюм. Неудивительно, что он был оснащён всеми новейшими технологиями.

Далее. Переносная лаборатория. Компактная, ничего лишнего, но достаточно мощная. Её я комплектовала собственноручно и поэтому была уверена в качестве компонентов, реактивов, инструментов и вспомогательных средств. С помощью нужных реагентов я буду фиксировать показатели кислотности и химического состава почвы, наиболее подходящие для роста предложенных нам видов грибов. Также я смогу узнать состав удобрений, используемых аборигенами, способы их получения и консервации. Все данные легко сортировать, хранить и моментально передавать через персональный таблоид. Главное – получить доступ к этим самым данным, к плантациям аборигенов, а систематизировать их уже дело вторичное.

Последние несколько месяцев я старалась отогнать от себя дурные мысли и даже, по назначению лекарственного блока, принимала бромидозепамы последнего поколения для снижения уровня тревожности. Конфиденциально и в минимальной дозировке. Эта экспедиция не просто много значила для меня, она буквально определяла моё будущее на ближайшие лет двадцать. Я кропотливо училась и прилежно работала, я знала свою страсть и потенциал своего мозга и очень хотела применить его именно в микологии, привнести в науку больше, чем было сделано за последние лет пять. Возможно, совершить прорыв на благо СтарСити... Конечно, я понимала, что лечу не на другую планету, ведь это далеко не первый наш контакт с аборигенами: представители СтарСити давно вели программу сохранения дружественных связей с жителями вне Кумпола. В качестве гуманитарной помощи аборигенам предоставляли лекарства, фильтры для очищения воздуха, воды и почвы, одежду и обувь. Раз в пять лет им отправляли подборку современной литературы и живописи на каких-то хитрых физических носителях типа оргстекла – наверно, удивительно держать любимое произведение непосредственно в своих руках! Несмотря на всё это, я не была уверена, что аборигены отнесутся дружелюбно к нашей миссии не только дать, но и получить. Я изучила все материалы по предыдущим контактам с ними – их было не так много, но практически всегда аборигены принимали позицию отстранения и игнорирования наших агентов. В одном из отчётов предполагается, что аборигены не желали знакомиться «просто так», без чётко поставленной практической задачи и понятных им выгод. Это и был основной наш расчёт – прийти с позицией просящих, преклонившихся перед их знаниями и дающих определённую плату за получение значимых для нас данных. Должно сработать, должно...

Я вышла из минутного оцепенения и вернулась к проверке. Пищевой блок на всю команду также уже был подготовлен. Им занималась Ангелика, и её способностям рационально подобрать наиболее разнообразное питание я полностью доверяла.

Ангелика была специалистом по нутрициологии. В её обязанности входили расчёт рациона с учётом персональных особенностей членов команды, разработка меню, непосредственно комплектация самих пищевых и сырьевых продуктов, контроль количества и качества воды. В полевых условиях Ангелика будет анализировать сорта грибов с точки зрения нутрициологии, сравнивая и выбирая те, которые наилучшим образом удовлетворяют пищевым потребностям жителей СтарСити разных классов. Процентное содержание и усвояемость белков, био-

доступность минералов и витаминов, природные консерванты, влияющие на сроки хранения, и натуральные способы консервации грибов, и, конечно, их потенциальная токсичность – всё это важно при введении в массовое производство нового сорта.

Ангелика также будет оценивать и вкусовые данные грибов, хотя я считаю такой подход субъективным и предлагала в принципе отказаться от оценивания по вкусу. Однако Ангелика смогла настоять на своём и даже разработала некие таблицы, позволяющие выводить приемлемый вкус для наибольшего количества человек. Это снискало ей определённую известность в широких массах: её имя мелькало на некоторых брендах для пищевых блоков, её приглашали рассказать о последних разработках «вкусовых» товаров. Наш нутрициолог не отказывала себе в возможности время от времени искупаться в лучах славы, сыграть роль умной и красивой, хотя за её ужимками я иногда могла разглядеть простую обезьяну.

Ангелика много внимания уделяла своей внешности, не только имея блок дополненной персонификации самой последней модели, но и прибегая к консультациям модных дизайнеров. Её пышную фигуру идеальных песочных часов облекали неоновые деловые костюмы и платья в пол, состоящие из миллиардов перемещающихся по ключевым участкам тела нитей, выигрывая подчёркивающих нужные изгибы. Фенотипы, которые она носила, все как на подбор были с яркими волосами, огромными глазищами, крупными чувственными губами. Её наряды никогда не повторялись, видимо, раз в неделю она полностью обновляла внутреннюю память своего БДП. «Тем сложнее ей будет работать в своём реальном теле», – подумала я и немного устыдилась собственного чувства злорадства и желания превзойти Ангелику хоть в чём-то.

Помимо вопросов питания, моя коллега также занималась переводами. Хотя в отношении коммуникации мы должны были полагаться на переводческий модуль наших костюмов, иметь запасной вариант на случай непредвиденных неисправностей было разумно и безопасно. Каждый в СтарСити служил другим наилучшими способами, и наша команда не была исключением.

Механически сверяя список дополнительных лекарственных средств с имеющимися в наличии в контейнерах, я задумалась об остальных членах команды. Макс... Высокий, широкоплечий, вечные его рубашки в крупную клетку и светлые джинсы, белоснежная улыбка, короткие волосы цвета сена, широкие сухие ладони – оплот надёжности и спокойного дружелюбия. Иногда он напоминал мне героя какого-то древнего видеофильма середины двадцатого века – такого, какие скакали на живых лошадях и покоряли сердца молодых девушек с крупными локонами. Он мог долго играть второстепенную роль, но потом вдруг совершить какой-нибудь ожидаемый и не слишком экстремальный подвиг и за счёт этого стать главным героем фильма.

Макс был нашим главным и единственным инженером, а также, по совместительству, медбратом. Он был способен починить практически всё оборудование, починка которого в принципе возможна в полевых условиях. Его крупные руки прекрасно справлялись с мануальной работой. Помимо этого, он выучился на парамедика и действительно прошёл 8 месяцев стажировки в команде городских спасателей – редкость в наше время, когда молодёжь предпочитает избегать всего, что связано с живыми телами, их неприкрытым БДП внешним видом и отталкивающими выделениями типа крови. Но Макс чинил людей с такой же спокойной улыбкой, с которой возился со сломавшимся скутером или мелкой техникой. Может, его секрет был заключён в равнодушии больше, чем в благожелательности... Но вот опять я плохо думаю о внутренних качествах коллег. Надо бы посетить клинического психолога, пока эта странная фрустрация не даёт о себе знать более значимыми проявлениями.

И наконец, наш руководитель, профессор Серафим Серджио Бат Чалых, босс, высокая, непроницаемая гранитная стена. Крепкая, защищающая, надёжная, но такая безразличная, индифферентная, даже холодная. С Батом мне предстояло пройти заключающее обучение, и,

пока я не поставила себе галочку, что данный пункт позади, я не могла быть полностью уверена, что экспедиция состоится, и состоится с моим непосредственным участием.

Итак, наша малая команда – это я, профессор Чалых, Ангелика и Макс. Моими стараниями в экспедицию также должен был ехать мой младший брат Деметрис. Это меня одновременно и радовало, и беспокоило. Я смогла получить грант на включение его в экспедицию довольно легко. Конечно, с точки зрения Дэма, мне пришлось пройти сотни инстанций и совершить миллион бюрократических взаимодействий с ними, но я-то знаю процессы получения грантов от Института и понимаю, что мой мне дали подозрительно безболезненно. Иногда мой мозг слишком легко генерировал параноидальные идеи и целые конспирологические теории, направленные против нашей экспедиции или против меня, в частности.

Я отложила в сторону таблоид и потянулась за лекарственным блоком, который охотно выплюнул на мою бледную ладонь две крошечные таблетки успокоения.

Глава 3. Тусовка

Деметрис будет не Деметрис, если хорошенько не потусит перед отлётом неизвестно куда. Не спорю, что, во-первых, мне было приятно лишний раз напомнить сверстникам о моей предстоящей миссии, приподняться в их глазах из простого парня-тусовщика в почти что учёного, такого весомого и значимого. К тому же я хотел кое-что перетереть с Ваном – Йеговой Ноа Василию Найковым, номер четыреста две тысячи восемьсот восемь двести четыре – моим корешем, софтовым гением, пареньком не от мира сего (да вы только посмотрите на его порядковый номер – сразу видно, знак судьбы), но надёжным и лёгким на подъём, если знать, в какую тусовку его тащить.

У меня было время продумать план развлечений на вечер, пока я принимал участие в двухчасовом обязательном Занятии Во Благо СтарСити – сегодня я должен был зачистить под последующую покраску 800 м² стены какого-то офисного здания. Работа не пыльная, лети себе в метре от стены и поглядывай, чтобы струйный очиститель работал равномерно и без перебоев. К тому же в нижней части здания не было окон, а значит, никаких особых мер предосторожности, как при работе с гипсостеклом, мне не надо было предпринимать.

Вообще, моё присутствие было скорее формальностью, чем реальной необходимостью, но я не скучал. Для начала мною был выбран, приобретён и даже доставлен в нужное место качественный стимулянт: не слишком адреналиновый, чтобы угодить моему и так немного дёрганому товарищу Вану, но при этом достаточно эндорфинный, чтобы угодить мне.

Конечно, покупка (точнее, выменивание за некоторые блага, которые я смог скопить недель за шесть) таких вещей была делом немного, совсем немного, рискованным, и, если бы сестра узнала, чем я занимаюсь в свободное время помимо бега и написания музыки, она бы ни за что не взяла меня ни в какую научную экспедицию, чтобы не рисковать собственной репутацией и карьерой. Да и вообще, она, наверно, заперла бы меня в мягкий куб лечебницы, пока последний атом запрещённых веществ не покинул бы моё тело, а заодно вживила бы мне, как страшному преступнику, регулятор всех гормональных систем тела, лишь бы только дорогой брат не натворил глупостей. Так что я всегда был предельно осторожен и позволял себе маленькие радости гораздо реже, чем хотелось бы.

В этот раз я раздобыл 0,15 мг МГБ38999. Этого количества прекрасно хватит и на меня, и на Вану. К счастью, мой худощавый друг с ускоренным метаболизмом отлично входит в раж уже с трети приобретённого количества, быстро достигает пика, быстро остывает и никогда не требует продолжения. Экономно. Вану никогда не докладывал своих благ для покупки стимулянтов, и я никогда не просил. Во-первых, инициатива затусить всегда исходила от меня. Ну а во-вторых, Вану помогал мне с прошивкой моих модов, да и вообще, решал чуть ли не любые технические проблемы. Кстати, именно его идея нагнетать, а затем собирать конденсат от холодильной установки помогла мне накопить за три недели лишние 80 мл чистой воды, которые я также использовал для оплаты вещества, предварительно ионизировав и смешав её с обычной водой из собственного пайка.

Я забрал Вану в десять вечера. Он жил в точно таком же кубике, как и я, только вместо видов природы предпочитал ставить неясные и мрачные абстракции. Его жилище было выдержано в тёмно-серых, почти чёрных тонах. Но известно, что чисто чёрный запрещён Комитетом по состоянию психического здоровья, поэтому Вану разбавил тёмно-серый ярко-оранжевыми полосами на стенах и диване и кислотно-зелёными деталями кухонной мебели и столешницы. Сочетание получилось дикое, может, круче, чем в иных закрытых клубешниках. В ванной и спальном уголке на смену серому основным тоном был сиреневый в невероятном сочетании с какими-то неоновыми пятнами, будто разбрызганными по стенам.

Сам автор этого творческого хаоса был незаметным пареньком невысокого роста, как я уже говорил, довольно худощавым, даже с использованием модов. Он вообще не очень запаривался на своей внешности, пожалуй, только прыщи всегда прятал, а вот трёхдневную жидкую щетину иногда забывал или не считал нужным убирать. Его широкие острые плечи сутулились, и он ровным счётом ничего не делал, чтобы исправить осанку, за исключением обязательных к исполнению упражнений от остеопата.

Когда-то у Ваню было слабое зрение, но ведущие воспитатели помогли ему получить грант на операцию, собрав миллиард документов, подтверждающих профессиональную пригодность Ваню к разработке софта и необходимость коррекции зрения. Мне кажется, что они израсходовали на взятки больше человеко-часов, чем эта операция стоила бы без гранта. Однако оперироваться без подтверждённого разрешения может быть подозрительно и неблагоприятно для карьеры. Так что зрение у моего кореша было как у дивного мифического орла или сокола, или совы какой-нибудь. Но даже с таким острым зрением он не видел собственной серости и лёгкой неопрятности. Скользнёшь по такому взглядом и сразу забудешь. Хотя в его случае это было довольно удобное свойство, практически идеальное для нелюдимого интроверта, предпочитающего общение с кодом виртуальному общению с девушками.

Я забрал Ваню ровно в десять вечера – это давало нам почти четыре часа в подвалах Росо или Моссо, минус время на дорогу и разные предосторожности. Мы добрались на скутере до одного из зданий парковки, примыкающего к бизнес- и развлекательному центру «КуШесть». За парковку в вечерние часы здесь не надо было платить, к тому же после рабочего дня тут было достаточно желающих оставить свой транспорт, и наше присутствие не вызывало подозрений. Заглушив скутер, я спрятал парковочный талон во внутреннем кармане своей псевдокожаной куртки, и мы с Ваню выбрались из муравейника парковки. Сначала мы поехали с какой-то парочкой до средних этажей торгового центра, там пересели в лифт в северном крыле здания, построенного в форме шестигранника, и уже на нём спустились на наземный уровень. Я точно знал дорогу, да и Ваню тоже, поэтому, не сговариваясь, мы быстро, но без суеты пересекли наземный уровень проезжей части, свернули налево, затерялись в едва освещённых переулках и задних дворах огромного «КуШесть».

Оставив громаду комплекса позади, мы дошли до Точки. Точками, или, точнее, Точками Отправления назывались пункты связи, через которые можно было анонимно заказать рикшу. Наша Точка представляла собой подвальное помещение за грязноватыми дверьми. Я ввёл код на двери, и она распахнулась совершенно бесшумно, несмотря на ржавчину и массивность. Внутри была крошечная тёмная комната ожидания с парой просиженных диванов. Мы были единственными посетителями.

Ваню сел и уставился на свои руки. Наверно, немного нервничал перед употреблением МГБ38999. Я ввёл код пункта назначения на табло и вложил требуемую сумму в аппарат, принимающий деньги. Иного способа оплаты здесь не существовало. Только эти крошечные пластинки с металлическим блеском и множеством голограмм могли дать хоть какую-то надежду на приватность сделки, на отсутствие яркого электронного или биологического следа. Конечно, если бы нас надо было вычислить любой из служб безопасности, они бы это сделали в два счёта, но, к счастью, два малолетних почти-всё-ещё школьника не представляли для них интереса.

Через полторы минуты прибыл рикша. Смешное название. Говорят, раньше так называли перевозчиков на трёхколёсных велосипедах или каких-то подобных древних средствах передвижения. Наш рикша был полностью автоматизированным: довольно новая модель городского скутера, рассчитанная на двоих ездоков, со встроенным искусственным интеллектом, заранее вбитым адресом и проложенным маршрутом. Ходят слухи, что работники городской доставки хотят запретить рикш, якобы те отбирают их хлеб, не дают трудиться во благо Стар-Сити и вообще, неэтичны в использовании, так как не имеют контролёра качества доставки в лице хомо сапиенса из плоти и крови. Как ни крути, человеческое эго ещё слишком велико

для того, чтобы признать превосходство машин над собой. Но хорошо, что пока рикши ещё не были под запретом – ведь благодаря развитой бюрократии рассмотрение любых заявлений, даже поступающих от профсоюзов, занимало чуть менее чем вечность.

Скутер домчал нас до Россо за 8 минут 46 секунд. Прекрасно. Россо. Это не совсем город в городе, хотя те, кто регулярно приходит в Россо, любят называть себя его жителями. Это не гетто, но и не увеселительный центр. Туда непросто попасть человеку извне. Там нет насилия, по крайней мере, не зарегистрировано ни одного случая. Россо похож на лабиринт крошечных подземных клубов, эдаких клубов по интересам.

Прийти в Россо можно только по рекомендации другого члена, выполнив ряд условий: возраст, рейтинг приглашающего, отсутствие любых профессиональных или личных связей с определёнными организациями, ну и конечно, психологический портрет и биохимический слепок. Меня сюда привёл Ваню, кто ж ещё – мой дорогой софтовый гений, идеально вписывающийся в подземный мир Россо. Клубы, в которые он ходил, были сложноваты для моего понимания, хотя иногда я составлял ему компанию в «СиМинусМинус», «Хэпл», или в «Окно». Там собирались мальчишки и мужчины, девушек было гораздо меньше. Они мало общались между собой, хотя некоторые имели очень занятные моды БДП, но все как один яростно набирали пальцами сообщения или код со своих хитроумных гаджетов или рубились в ВиАр.

Сегодня мы шли в гораздо более попсовое место. Я хотел немного оттянуться в «Высотке»: у них отличные ВиАр-эффекты, приятная музыка (достаточно сложная и многослойная, чтобы было интересно и Ваню), ну и конечно, разношерстная публика, включая классных девчонок, которые не прочь оставить свои контакты для виртуального свидания.

Рикша доставил нас на установленную мною точку – ровно 50 метров от входа. Отсюда мы должны были пройти 50 шагов, не мешкая, но и не суетясь, достать МГБ38999 и незаметно употребить на ходу. Это был пероральный стимулянт, всё просто. От момента приёма до начала действия предполагалось 179—183 секунды. Каждый из нас знал, что делать. Приятно иметь друга, который в определённых ситуациях мыслит и действует как второй я. Левая рука, карман, мятная горошина с каплей МГБ38999, незаметное движение руки ко рту, мгновенное растворение при контакте с мальтазой – и готово.

У входа уже толпилось человек шесть-семь, одна компания как раз оплатила вход, кажется, с виртуалки. Ну не знаю, каждому своё, но я точно не собирался светить свою виртуалку в Россо. Может, они слишком глупы или их старшие сиблинги слишком богаты, и все просто закрывают глаза на похождения малолеток.

115 секунд. Перед нами остались три девчонки. Наверяд ли под стимуляторами, скорее всего, просто первый раз пришли – уж слишком громко визжат, проходя по тонкой двухметровой рейке над медленно текущей лавой. Рейка дёрнулась, две девчонки дружно и весело заверещали, третья отшатнулась и сделала два шага назад. Нет, ну давайте без фокусов. 102 секунды. Подруги стали махать ей, подбадривать, но девушка, казалось, не слышала их. Впав в ступор, она таращилась на горячую лаву под ногами и не делала ни шага. 98 секунд, чёртова дура, шагай. Наконец одна из подружек вернулась к ней, и, взявшись за руки, все они побежали в стену шумного водопада.

69 секунд. ВиАр-эффекты тут на высоте, но сейчас это чуть не сыграло с нами злую шутку. Пройти в «Высотку» под стимуляторами практически невозможно – для этого и нужна тонкая рейка. Каждый идёт над новой реальностью, всегда полной мнимой опасности. Оступился – в клуб не попадёшь, а попадёшь скорее всего в органы безопасности при малейшем подозрении на употребление стимулянтов. Также невозможно пронести их с собой – сканер мгновенно распознаёт и проверяет на легальность всё, что является реальным предметом, а не частью мода. Поэтому тут критично чёткое планирование во времени.

Я протянул в щель слева от входной двери две банкноты: за себя и за Ваню. Машина задумалась. Ну давай же. 36 секунд. Наличности оставалось ровно на два напитка и на рикшу

до СтарСити, а времени пройти в клуб – совсем в обрез. Наконец проявилась рейка и для нас. 28 секунд. Ну, так банально, идти в «Высотку» по небоскрёбу. Я пропустил вперёд Вану, а то вдруг МГБ38999 долбанёт моего худощавого друга чуть раньше расчётного времени. Расставив руки в стороны, Вану бочком пошёл по рейке. Медленно, но уверенно. Как-то слишком медленно. Давай, чувак, 21 секунда. 18 секунд. 14. Он внутри.

Моя очередь. 12 секунд. Проклятый ветер. Ненавижу ветер за его свободу и силу, помноженную на непредсказуемость. 8 секунд. Третью пути позади, я уложусь. Ещё шаг... Ах ты же едрёна вошь! МГБ38999 вдарил так, что я покачнулся и чуть не сорвался с рейки. Какая сволочь дала такую погрешность??? В целых 7,389 тысячных секунды! Так, с этим будем разбираться позже, сейчас надо как-то пройти оставшиеся 63,89 сантиметра. Ветер упёрся мне в грудь плотно осязаемым кулаком, глаза застилала слёзы, ощущение ужаса быстро разворачивалось от нижней части живота всё выше и выше. Я не пройду! Чувак, ты должен! Не хватало ещё так глупо попасться буквально накануне полёта к дикарям. Я сжал зубы так, что хрустнула челюсть, и, забыв дышать, сделал три чётких ровных шага.

Вот теперь ещё 2 секунды должны были быть в запасе, подумалось мне. Рейка исчезла. Появилось взволнованное лицо Вану. Я прошёл.

– Чува-а-ак, – выдохнул Вану. – Меня так быстро накрыло! Что это за хрень?

Я молча прошёл к свободному столику, на котором изгибались в зазывающем танце мелкие фигурки голографических девушек с рыбьими хвостами. Я смахнул их стайку в сторону и на ватных ногах рухнул на искрящийся диван, под которым возникали и исчезали необыкновенной красоты перистые облака. Пол под ногами опять был чёртовым небом, спасибо, что хоть безо всяких реек, а просто приятным небом густого цвета медного заката. Я вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Прикрыл глаза. Перед глазами тоже клубились разноцветные облака – спасибо МГБ38999, возводящему в превосходную степень все эффекты дополненной реальности.

– Всё хорошо, – нарочито бодро сказал я.

Конечности трясло мелкой дрожью, то ли от действия стимулятора, то ли от нервного перенапряжения. В желудке противно ныло.

– Чуть не влипли, но «чуть» не считается! – Я попытался улыбнуться, вышло скверно.

С потолка в такт музыке полились перламутровые мерцающие потоки. Их жидкий свет мягко обтекал наши напряжённые тела и уходил вниз, смешиваясь с облаками. Люблю Россо за его эфемерность и непредсказуемость форм. Обычно я получаю эстетическое удовольствие от созерцания не только воздушных интерьеров, но и присутствующих в них прекрасных нимф. Но явно не сегодня.

– Ладно, давай выпьем и обсудим наши дела, – предложил Вану.

Я кивнул, и он кликнул по голограммной поверхности стола, чтобы сделать заказ. Его поверхность мгновенно потемнела до глубоко-синей, и специально для нас материализовался пупырчатый официант-осьминог, держащий в щупальцах два высоких флуоресцентных стакана, на дне которых тонкой полоской плескалось тёмное невнятное пойло. Мы забрали стаканы. Извини, чувак, сегодня мы навряд ли закажем бухла на все твои восемь щупалец, так что можешь валить обратно в свой глубоководный мирок. Клубы потолочного дыма окрасили осьминожку в легкомысленный персиковый оттенок, и он то ли растворился в пространстве, то ли нырнул обратно в свой стол. Выпили. В желудке погорячело, напряжение мышц немного ослабело.

Посидели молча. Музыка радовала гармоничными сплетениями разнокалиберных звуков, они догоняли друг друга, сталкивались разлетающимися звонкими брызгами, гулко накачивали из глубин небытия и в него же уходили воздушными потоками северного сияния. По стенам медленно сползала некая клубящаяся фиолетовая субстанция, внутри каждой капли которой мерцали далёкие звёзды и курилась седая космическая пыль. Я собирал мысли, дышал

глубоко и медленно, успокаивал сердечный ритм. Хорошо, что сегодня день трудовой недели, относительно мало народа и музыка подобрана именно для успокоения и расслабления, а не для дикого драйва.

– Короче, дружище, – сказал я. – Сегодня уже нет настроения тусить и кадрить девчонок. Давай сразу к делу.

Вано согласно кивнул и выжидающе, даже немного затравленно, посмотрел на меня. Он знал, что я, как никто другой, могу вытащить его из зоны комфорта. Он и опасался, и жаждал этого.

– Мне нужны отмычки. Думаю, одной универсальной хватит, ну или двух попроще, смотря что сможешь достать. Обязательно фильтры для воздуха и воды. А ещё сканер, помощнее, на хорошей солнечной батарее. И внешний хранитель данных. – Я задумчиво поправил волосы и подвинул свой стакан к его стакану.

– Я знаю, ты больше по софту, чем по железу, но кроме тебя, мне некого просить.

Это была правда. Вано усмехнулся, посмотрел в сторону на щебечущих девчонок, потом опять на меня. Он больше не выглядел затравленным, наоборот, что-то неуловимо поменялось: теперь это я стоял на несколько ступеней ниже, просящий и уступчивый, а он решал мою судьбу и знал, что имеет для этого все нужные инструменты. Поймав мой взгляд, Вано легонько дотронулся своим стаканом до моего.

– Я достану, дружище, – сказал он и великодушно улыбнулся. – Будь спокоен.

Глава 4. План У

Профессор Чалых вызвал меня на личную встречу. Нетипично для него. Ведь я уже прошла дополнительную аттестацию, которая так волновала меня, а на деле оказалась проще полу-годовых экзаменов для учащихся на первом курсе. Также я была спокойна за выполнение всех рабочих поручений: списки оборудования были проверены и перепроверены, Макс собрал всё необходимое на вертолёт, и затем мы вместе сделали финальную проверку в четыре глаза, особое внимание уделив комплектации лаборатории. Команда была готова, дух – боевой. Конечно, все мы волновались, но в пределах гормональной нормы. Не обошлось и без сюрпризов: уровень адреналина у Деметриса был буквально на границе допустимых показателей, но я попросила медкомиссию сделать поправку на его возраст и отсутствие опыта предыдущих контактов с этническими племенами, и он получил положительное заключение.

Что ж, будем считать, что профессор вызывает меня не из-за брата. Видимо, мне как старшему группы надо просто получить индивидуальный инструктаж или официальное напутствие от руководителя проекта.

В просторном кабинете профессора всегда было прохладно. Я поёжилась. Босс не пользовался искусственными окнами, и обычно сероватые стены его рабочего кубика освещало равномерное холодное свечение. Сегодня оно было приглушено, и в тёмных углах скопились сухие тени. Чалых стоял ко мне спиной, скрестив руки на груди и будто бы изучая многочисленные панели шкафчиков с документами, занимавших всю стену перед ним. Его спина была прямой и строгой, гладкий широкий череп отражал тусклое освещение. Профессор так гармонично вписывался в свой кабинет, что я с трудом могла представить его работающим вне стен лаборатории.

Наконец, он небрежно повернулся вполоборота и указал жестом на кресло. Я обрадовалась, что не придётся слушать всю его речь стоя, и сразу села – у него очень удобные, просто роскошные тёмно-серые кресла с высокими мягкими спинками и широкими подлокотниками.

– Никита, – сказал он не оборачиваясь. – Ты готова к экспедиции?

– Да, – бойко ответила я.

– Я знаю, ты всё уже собрала и проверила. У нас отличное оборудование и сплочённая команда. Мы знаем наши цели и имеем большой выбор даров для представителей этнических племён. – Он спокойно произносил всё то, что заставляло моё сердце вздрагивать в грудной клетке. – Всё должно пройти как нельзя лучше. – Чалых наконец-то повернулся ко мне лицом, подошёл и оперся руками о массивный светлый стол. – Но в случае неудачного контакта ты должна действовать по Плану Ипсилон.

У меня что-то оборвалось внутри и упало ледяным камнем прямо в живот. Профессор открыто начал разговор на тему, которую я избегала даже в мыслях. Конечно, мы все прошли инструктаж по Плану В – отсутствие контакта в случае, если никто из представителей аборигенов не появится в течение 14 суток. Однако это была настолько краткая и базовая информация, что мало кто воспринимал её всерьёз, скорее как необходимую галочку в списке выполненных действий, но точно не как инструкцию к действию. Кажется, теперь становилось понятно почему.

Сурово-отчуждённое выражение лица моего руководителя заставило бы напрячься даже камень, что уж говорить о молодом учёном, отправляющемся на своё первое серьёзное полевое задание. Мне не удавалось полностью сосредоточиться на его словах, сердце бухало в висках, живот предательски сводило судорогой. Когда я собрала все свои физические и моральные силы и начала снова адекватно воспринимать информацию, он говорил уже следующее:

– ... незамедлительно связаться со мной и сообщить подробности ситуации: время, количество и состав прибывших, наличие или отсутствие оружия и его спецификацию, уровень

агрессии по шкале Васовски, время и направление ухода, потенциальную скорость передвижения, а также любые другие подробности, которые могут иметь значение для последующего поиска объектов. Также необходимо безотлагательно переслать все аудио- и видеоматериалы, доступные на данный момент. Сам звонок должен оставаться строго конфиденциальным. Остальные участники команды не должны быть посвящены в План Ипсилон – они осведомлены о Плане В «Возвращение на базу», и этого достаточно для общей безопасности. Ни один из членов команды не должен предпринимать никаких действий, отличных от указанных Планом В. План Ипсилон включает в себя План В, но также содержит набор инструкций для тебя лично. Я доверяю тебе необходимую документацию, – и передо мной на столе оказался маленький внешний хранилище данных с маркировкой «У». – Без эмоций, только краткие инструкции. Ты справишься.

У меня пересохло в горле, я облизнула губы и спросила чужим голосом:

– А что включает в себя План Ипсилон, помимо немедленного и строго конфиденциального оповещения Базы и предоставления исчерпывающей информации о ситуации?

Чалых одарил меня ледяным взглядом и прикрыл глаза. Он медлил с ответом заметно дольше, чем было допустимо в рамках обычного делового этикета между подчинённым и начальником. Неужели босс тоже нервничал? Он несколько раз моргнул, прищурился и наконец сказал:

– Твоей обязанностью является следить за неукоснительным исполнением всех инструкций Плана и немедленно рапортовать о нарушениях. К нарушителям разрешено применение паралитического оружия.

Я замерла в кресле не дыша.

– Остальное решаем не мы, – закончил он, отошёл от стола, приблизился ко мне и протянул руку.

На дрожащих ногах я с трудом выбралась из его удобного кресла, казавшегося теперь приспособлением для пыток, и пожалала протянутую руку. Рукопожатие профессора Серафима Серджио Бата Чалых было холодным и крепким, как металлические тиски. Я забрала носитель данных.

– Желаю тебе удачи, Никита, – сказал он ровным голосом.

Дверь позади меня мягко скользнула в сторону, и я вышла, не говоря ни слова. Команда уже ждала меня около квадроптера. Пора было собираться к отлёту.

Я плохо запомнила сам полёт до Карнаки. Кажется, всё прошло гладко. Пока мы летели над СтарСити, команда весело щебетала и подшучивала друг над другом и над прошлыми контактами с этническими племенами, отчёты о которых мы подробно штудировали последние месяцы. Я молча сидела справа от носа квадроптера и не участвовала в общем веселье. Дэм попытался было меня расшевелить, но я сослалась на плохой сон и желание отключиться от всех проблем до прилёта на Базу. Он видел, что я действительно разбита, и не только оставил меня в покое, но и ненавязчиво отгонял остальных членов команды.

Как только мы прошли пограничный пункт и вылетели за пределы Кумпола, все собрались перед фронтальным обзорным стеклом, как-то сразу притихли и лишь изумлённо смотрели на чужие пейзажи. Сначала мы пролетали песчаную полосу отчуждения кирпичного цвета, но вскоре стали появляться настоящие живые растения: мелкие диковинные кустарники и клочки рыжей травы, постепенно занимающей всю поверхность почвы. Через затемнённое от ультрафиолета стекло мне было видно кусочек неба непривычно яркого, режущего глаз голубого цвета. Небесного светила я не видела, но в любом случае смотреть на солнце без специальных очков или без защиты костюмов нам запрещалось. Профессор тоже был здесь, стоял вместе с командой, но не встречался со мной взглядом.

Я закрыла глаза, не в силах подойти к окну, и просто пребывала в тупом оцепенении оставшиеся несколько часов полёта, пока мы не приземлились позади острова Карнаки. На

самом пограничном острове нам не было необходимости задерживаться, поэтому, пройдя формальные проверки пропусков и разрешённой техники, мы сразу отправились до конечного пункта перелёта – на Базу. База находилась ещё в часе лёта от острова и представляла собой серый куб на коротких сваях. База была расположена непосредственно на границе с труднопроходимыми джунглями, словно последний оплот цивилизации под натиском дикой, необузданной природы.

Глава 5. Встреча

Итак, мы долетели! Невероятно круто! Меня будоражило это количество новых впечатлений, такие виды из окна, огромное небо и всякая растительность прямо на поверхности земли. Солнца я пока ещё не видел, оно пряталось за облаками, но даже при таких погодных условиях освещённость была намного ярче, чем в СтарСити. Жаль, что нас не пустили никуда на Карнаки дальше, чем пара контрольных кабинетов, – а ведь там же наверняка есть всякие секретные разработки, пушки, техника. Поглядеть бы хоть одним глазком...

Но нас сразу кинули на Базу – скучный серый кубик, покрытый пылью и снаружи, и изнутри. Каждому полагалась комната для отдыха, ничем примечательным не отличающаяся от общего стиля Базы. Наружу выходить уже нельзя было, то ли из-за приближения вечера, то ли чисто из бюрократической вредности установленных кем-то порядков. Я повалился на жёсткую койку. В голове мельтешили мысли и образы, яркие краски, перелёт и небо, ожидания и тревоги следующего дня. К счастью, на Базе нам не предстояло сильно задерживаться – с утра мы уже шли в поле. Повалявшись в состоянии между сном и явью ещё какое-то время, я всё же смог заснуть беспокойным, каким-то душным и пыльным сном.

Утро настало снаружи и внутри. На Базе не было окон – только искусственное освещение. Проснувшись от мягкого голоса автопробудчика, я размялся, лениво сделал несколько обычных утренних упражнений. Выпил воды – вкус был довольно затхлый, наверное, последний раз люди здесь были несколько недель, а то и месяцев назад. Или это фильтры не смогли удалить все примеси, отсюда и странный вкус. Закинув в рот безвкусную пластинку завтрака, я быстро разделался с ней и пошёл к остальным.

Этим утром нам предстояло преодолеть чуть более трёх километров до планируемого места встречи с аборигенами. Ребята и Никки уже собрались в центральном отсеке. Всех охватило приятное возбуждение, мы переговаривались и улыбались, подбадривали друг друга. Наконец появился Чалых. Прогундев что-то по протоколу и отметив в журнале наше отбытие, он все же свалил в тень, и мы могли идти в поле.

Наконец-то! Надев наши новенькие сверкающие костюмы и проверив их работоспособность, мы взяли необходимую технику, всё наше барахло для дарения дикарям и сразу выступили в поход. Каждый нёс увесистый рюкзак, размер которого был подобран в соответствии с индивидуальной физической подготовкой. Нелегко. Надо было больше филонить на тестах, не тащил бы сейчас такую тяжесть. Но даже громоздкий рюкзак не мог омрачить моего боевого настроения. Я во все глаза смотрел по сторонам. Солнце всё ещё скрывалось за облаками, но цвета раннего утра были невероятны: нежные, но чистые, прозрачный воздух, заполненный только нашими ожиданиями.

Дорога, а точнее, узенькая тропинка, проходила сначала по каменистой пустоши с редкими чахлыми кустиками, и этот отрезок пути мы преодолели довольно быстро. Затем пришлось углубиться в лес, и, хотя пройти оставалось лишь чуть больше половины дороги, мы потратили на неё около часа. Солнечный свет сильно скрадывала густая листва и переплетение веток, корней, лиан. Приходилось передвигаться медленно и осторожно – после жизни в каменных ровных джунглях наши тела не были достаточно натренированы для ходьбы по джунглям настоящим. Приходилось выбирать место для каждого шага, мириться с неровностями почвы, отодвигать в сторону ветви растений.

Я первый раз в жизни был в лесу и смотрел по сторонам, ошеломлённый диким и неорганизованным, но при этом всё же гармоничным нагромождением древесных стволов, ветвей, кустарников, корней и то и дело выскакивающих под ноги поваленных деревьев. А сколько оттенков зелёного! От легкомысленного светло-травяного до глянцевого густо-оливкового. Невероятно, как разнообразна природа, ведь ни один листик, ни одна травинка не повторя-

ются, они уникальны по форме и изгибам, хоть и окружены тысячами и миллионами себе подобных. Совершенное отсутствие прямых линий и прямых углов поражало и даже пугало своей непривычностью: никаких ровных каменных стен, никаких прямых стрел магистралей, никакой гладкой поверхности оргстекла. Наоборот, всё асимметричное, беспорядочно упорядоченное по каким-то своим законам, стремящееся вверх, к солнцу, умирающее тут же и дающее своим прахом жизнь новому, дикое и ...живое.

Беспорядочный поток моих мыслей, подпитываемых эндорфинами в крови, немного успокоился, когда мы наконец дошли до места встречи, или стоянки. По сути, это была искусственная поляна, кусочек пустой земли, вокруг и над которой всё так же бушевала растительность. Но её невозможно было спутать с чем-то другим благодаря ориентиру из нашего мира: когда-то здесь потерпел крушение древний квадролёт. Его остов был крепко зарыт в землю под неестественным углом – видимо, при падении он как-то перевернулся носом кверху и вошёл в землю задней частью. Лопастей винтов отсутствовали – то ли их оторвало в момент аварии, то ли они истлели позже, но от машины осталась только кабина и фюзеляж. Со стороны казалось, будто квадролёт, как огромная уродливая рыбина, выныривает из земли ввысь, но не может преодолеть земного притяжения.

Со временем около искорёженного трупа летательного аппарата построили небольшую металлическую хижину – именно в ней нам и предстояло провести сегодняшний день и, возможно, ночь. Хижина, больше похожая на отсек для хранения грузов, была непривлекательным и чисто функциональным параллелепипедом. Макс открыл кодовый замок, потянул на себя дверь, и та распахнулась.

Внутри было пыльно, затхло, прохладно. Хижина была без окон, но с тусклым освещением, работающим от солнечных панелей на крыше. Внутри стояли несколько стеллажей для хранения собранных образцов чего бы то ни было, там же громоздились ящики с инструментами, деталями, проводами и запчастями, интересными разве что Макс, аптечка и, видимо, запасы провизии. В углу чуть жужжало что-то похожее на небольшой блок бесперебойного питания. Коек было две, каждая на два этажа, так что всем хватало места. Хорошо, что профессор Чалых остался на Базе, иначе подозреваю, что спать на полу пришлось бы мне, как самому младшему (во всех смыслах) члену экспедиции. Но даже при наличии койки мне тут не понравилось. Хмуро оглядев хижину, я выбрался наружу, к солнечному свету.

Мне хотелось опять пойти в гущу леса, но Никки и остальные сказали, что необходимо разумно потреблять ресурсы и не забывать о главной цели нашего путешествия, бла-бла-бла. Короче, пришлось до окончания дня торчать около хижины, расчищать площадку снаружи и убирать пылицу внутри, помогать сортировать валяющееся там барахло и сверять его со списком внутреннего каталога там же.

Из положительных моментов этого процесса мне, конечно, было интересно наблюдать, как работает мой костюм, а работал он круто. Я не чувствовал никаких стеснений движений или недостатка кислорода, тело хорошо вентилировалось, подошвы не скользили и не утомляли ноги. Чисто ради теста я пару раз запрашивал данные о температуре и составе окружающей среды, а также разобрал на молекулы листок вьющегося под ногами растения.

Другие члены команды также привыкали к костюмам, и кажется, были ими вполне довольны. Кроме, пожалуй, Ангелики. Конечно, ведь вместо кричащего о своей значимости и тщательно прорисованного лучшими дизайнерами образа БДП ей приходилось представлять перед нашей узкой аудиторией в своём настоящем теле, далёком от идеала.

Чтобы не тратить энергию на разогрев пищи, мы обошлись холодным безвкусным ужином и легли спать практически с закатом солнца. Стемнело моментально. Я пытался остаться хотя бы на входе в хижину, послушать пугающие и манящие звуки ночного леса, посмотреть на настоящие ночные звёзды, просто посидеть на границе двух миров безо всякой суматохи, но в целях безопасности меня загнали внутрь. Я успел заметить россыпь загорающихся огоньков в

небе, но не смог их толком рассмотреть и составить своё впечатление. Макс запер хижину на ночь. Неужели я за этим летел в такую даль?

Едва дождавшись, пока состав воздуха внутри хижины будет соответствовать требуемым показателям, я стащил защитный костюм, выпил последнюю воду на сегодня и с лёгким недомоганием полез на верхнюю полку левой койки. Внизу устроилась сестра. Макс залез на второй этаж соседней койки, Ангелика ещё что-то шушала, шушала, вздыхала и поправляла снятый костюм, потом также долго поправляла свой ортопедический матрас и одноразовое жёсткое постельное бельё, пока наконец не осела на спальном месте и не затихла. Все мы вымотались за этот день, поработав физически и получив уйму впечатлений, которые вертелись в головном мозге каруселью цветных образов. На удивление я быстро заснул, чувствуя, как молочная кислота даёт сладко-болезненные ощущения в мышцах, не привыкших пробираться по густым зарослям, расчищать лесные поляны и использовать для получения энергии воздух с поверхности, пусть даже профильтрованный нашими костюмами.

Видимо, дикари пришли на рассвете. Пока мы проснулись, позавтракали в полумраке хижины, влезли в наши хайтечные костюмы и вышли наружу, солнце уже встало и рассеяло рассветную дымку. Солнце было небольшое, но очень яркое. Свет обжигал сетчатку глаз, даже затемнение костюма не могло скрыть всю мощь этих мчащихся фотонов, пробивающихся сквозь космос и попадающих прямо на нас. Кажется, ночью шёл дождь или же просто выпала очень обильная роса: земля и трава были влажными, капли воды на ветках отражали преломлённые лучи солнца, и лес сверкал круче, чем самые современные визуализации в клубах Россо и Моссо. Воздух был свежий, прозрачный, пьянящий. Казалось, я улавливаю его аромат даже через фильтр – а может, так и было, ведь фильтр должен был отделять только вредоносные соединения, а испарения свежих цветов и сырой почвы, по идее, были безопасны. Я бы хотел просто постоять немного и подышать, прочувствовать чистоту и вкус вдыхаемых запахов. Но обстоятельства требовали внимания и действий.

На расстоянии метров трёх от хижины стояли аборигены. Их было пятеро: трое мужчин находились в первом ряду к нам и две женщины – позади. Они расположились в шахматном порядке, поэтому мы могли видеть лица всех. А это было интересное зрелище.

По центру стоял явно главарь банды, высоченный великан средних лет, минимум на голову выше Макса. У него был высокий лоб, пронизательные светлые глаза, узкие сжатые губы и светло-русые волнистые волосы, убранные в какую-то гульку, но всё равно непослушно выбивающиеся на висках и создающие будто бы светящийся ореол вокруг его головы. Да уж, впечатляет – и такие внешние данные безо всякого блока дополненной реальности. Одет он был практично и неброско: тёмные штаны и свободная рубаха светло-бежевого тона с вкраплениями зелёного, плотная коричневая жилетка из материала, похожего на натуральную кожу, и украшенная нашитым орнаментом. На ногах у него была необычного вида обувь – что-то типа очень плотных носков с пятью пальцами, также сделанными из кожи или очень плотной ткани, возможно, пропитанной чем-то для лучшей износостойкости. Он был собран и спокоен и непринуждённо стоял на земле, сын этой земли, сильный и свободный дух. В руках дикарь держал суму неопределённого цвета, заношенную и засаленную, и хотелось верить, что без оружия.

По его левую руку стоял персонаж не менее интересный. Предполагаю, что это был шаман племени. Ещё не старик, но уже скорее пожилой, чем зрелый мужчина. Смуглый, среднего роста, с чуть раскосыми прищуренными глазами, с чёрными волосами, убранными в длинный блестящий хвост, словно стекающий по спине, он будто бы сканировал каждого из нас с расстояния, оставаясь при этом невозмутимым и недоступным для взаимного контакта. Одет он был в какие-то неопределённые лохмотья, тёмные штаны и тёмный же балдахин синевато-зеленоватого оттенка, всё слепленное из асимметричных кусков тканей, шерсти, меха, кожи (рассматривая его наряд, я всё больше уверялся, что дикари используют натуральную кожу), перьев и

будто бы даже кусков зеленоватого мха. Его ноги были босые, но покрытые таким слоем влажной грязи, что я не сразу это понял. В руках он держал деревянный посох, искусно украшенный орнаментами, какими-то значками, закорючками и множеством волнистых линий. Шаман вызвал во мне необъяснимое чувство неприязни, хотя и не казался физически опасным. Я уверен, что его мнение оказывало решающее влияние на дикарей и, в частности, на их героически выглядящего предводителя.

По правую руку от главаря стоял охранник, ну или воин, если использовать более древний термин. Он был очень темнокожий, но всё же не негроидной расы (видимо, истинных представителей чёрной элиты было мало и среди дикарей). Его лысый череп сверкал как клинок холодного оружия, высокие скулы, густые брови, тяжёлый подбородок, жилистая шея, широченные плечи – я не был уверен, что смог бы противостоять его нападению, даже будучи вооружённым шокером или чем посерьёзнее. Мощная грудь вздымалась, а ноздри широко раздувались при каждом вдохе, но всё же мне было понятно, что пока он настроен скорее нейтрально, чем агрессивно. Его торс едва прикрывал кожаный жилет, на ногах были узкие тёмные штаны длиной чуть ниже колена. Он тоже был бос, но это смотрелось гармонично, будто он собрался выступать на спортивном состязании. Вся его поза, широко расставленные ноги, лёгкое напряжение мышц напоминали какую-то боевую стойку. Я не заметил у него никакого оружия, но, думаю, оно ему и не требовалось для того, чтобы быть машиной смерти. От правого плеча под жилетку уходил рваный шрам, общую площадь и глубину которого мне было страшно представить.

Не могу сказать, что женщины племени выглядели скромнее. Позади справа стояла древняя старуха, на первый взгляд, такая дряхлая и задеревеневшая, что я вообще не понимал, как она могла ещё передвигаться, тем более сквозь дремучие леса. Она напомнила мне древнюю птицу грифа: лохматая седая голова на тонкой шее, неприязненно вытягивающаяся вперёд, с носом-клювом, нависающим над почти исчезнувшими от старости губами, мелкие слезящиеся красноватые глаза. При этом старуха явно принарядилась для встречи – её длинное, до земли, платье было простого свободного кроя, но сшитое из множества ярких лент и всё украшенное круглыми и ромбическими кусочками зеркального материала. В её одеянии преобладали оранжевый, жёлтый, красный цвета. Вместе с отражающими солнечный свет зеркальцами наряд будто был живым пламенем. На голове она несла занимательный убор, с высоким ромбическим фронтом, украшенным геометрическими узорами по контуру и по сторонам. Босые ноги и руки были увешаны десятками, если не сотнями тонких браслетов из красноватого металла, возможно, меди. Несмотря на в целом непривлекательную внешность, шаманка располагала к себе. В ней чувствовалась такая древняя мудрость, которая не принимает ничьих корыстных сторон, а действует в точности так, как необходимо для достижения великих целей всего человечества. Осталось убедить её, что наши цели действительно великие.

Ну и наконец, последняя дикарка. Самая молодая из аборигенов, высокая, мускулистая, менее смуглая, чем шаман, но тоже с чуть раскосыми глазами и тяжёлыми чёрными волосами, искусно убранными в сложную причёску, скрывающую их истинную длину и богатство. Причёска была зафиксирована филигранно выполненными украшениями из светлого блестящего металла. Кажется, она была слепа – за длинными ресницами и прикрытыми веками я не видел её зрачков, лишь белки изредка сверкали на смуглом лице. Рот чуть приоткрыт, то ли в презрительной усмешке, то ли в индифферентной расслабленности. Из одежды – белое платье без рукавов, чуть ниже колен, подпоясанное витиеватым ремешком, сплетённым из кружева, полосок ткани и серебристых металлических деталей. Платье также отливало светлым металлическим блеском, так как было вышито серебряной нитью, попеременно повторяя то филигранные узоры с украшений в её собственных волосах, то ромбические мотивы наряда старухи, то волнистые линии с балахона шамана. Девушка была обута в такую же пятипалую обувь, как и вожак, но её пара была сделана точно не из кожи, а из ткани, кружевной и вышитой серебром выше лодыжки и плотной на ступнях. Что-то внутри меня сжалось от неопределённого чув-

ства, замешанного одновременно на животном страхе и на непреодолимом желании распространить дикарку о том, как живёт её племя.

Глава 6. Дары

Я вышла из оцепенения, расправила плечи и сделала шаг вперёд. Во время обучения мне объясняли, что представители этноплемён часто появляются внезапно. Иногда их приходится ждать несколько суток, иногда же они приходят за считанные часы. Мы пока еще не могли выяснить, каким способом они узнавали о наших прилётах и как добирались до негласно оговоренного места встречи. Но даже зная всё это, я чувствовала себя неуверенно. Они действительно смогли застать и меня, и команду врасплох. Ещё толком не проснувшиеся, не освоившиеся на новом месте, в непривычных костюмах и без комфортной иллюзии внешности, мы были почти что голые перед ними, уязвимые, нелепые, неуклюжие. Конечно, имел значение и их экстравагантный вид, ведь я понимала, что все внешние атрибуты есть реальные вещи, а не визуальные порождения блока персонифицированной реальности. Тем не менее мне надо было взять себя в руки и преподнести наши дары, наши входные билеты на самое важное представление этого года, а возможно, и всей моей жизни.

Я учтиво склонила голову и медленно произнесла приветствие, рассчитывая, что лингвистический модуль костюма осуществит и адаптирует перевод:

– Доброго утра, высокочтимые предводитель и члены племени. Меня зовут Никита. Я изучаю и выращиваю съедобные грибы. Вместе с командой учёных из СтарСити мы привезли вам ценные дары. Пожалуйста, примите их во благо, – я слегка кивнула, и Макс вынес четыре ящика, то ли предусмотрительно подготовленных вчера вечером, то ли ещё не убранных прочь от входа на склад.

Он аккуратно открыл матовые рифлёные металлические коробки, чтобы продемонстрировать их содержимое.

Аборигены стояли молча и пока никак не реагировали на происходящее. Я продолжала произносить подготовленную речь:

– Мы всегда рады поддерживать контакт с вашим племенем. Мы доброжелательны и уважаем вас. Уже много раз представители из СтарСити делились с вами полезными материалами. Пожалуйста, позвольте рассказать, что мы привезли в этот раз. – Я указала на первый ящик. – Здесь мы собрали самые современные лекарства, средства и инструменты для оказания первой медицинской помощи и предупреждения многих болезней, а также дезинфицирующие средства, анестезирующие препараты и комплексные витамины. Каждое лекарство упаковано стерильно, и к нему приложено полное описание и инструкция по применению, переведённые на ваш язык нашими лучшими лингвистами.

Я перевела дух и продолжила описание. Кажется, я встала на нужную тропу, и уверенность возвращалась ко мне.

– Далее, мы решили поделиться одной из наших новейших разработок – эти плотные чёрные губки есть фильтры для воды и очистители для жидких продуктов питания. Как видите, они пока не очень компактны и занимают весь второй ящик, но зато способны удалить до 100% механического мусора и более 98% вредоносных бактерий. – Я воодушевлённо продолжала расхваливать наши, в общем-то, довольно примитивные, по меркам СтарСити, подарки. – В третьем ящике мы собрали четыре типа особо прочных волокон с разным диаметром и прочностью. Лёгкие и тонкие ультрасовременные волокна способны выдерживать вес, превышающий их собственный более чем в 10 000 раз. Области применения таких волокон, безусловно, являются строительство и животноводство, они также могут быть использованы в производстве одежды и обуви, кулинарии и хранении пищевых запасов.

Я увлеклась речью, скованность проходила, я чувствовала всё больший подъём и энтузиазм. Кажется, наша команда тоже пришла в себя, и теперь ребята с вежливым любопытством разглядывали аборигенов. Те по-прежнему молчали и не двигались. Взмахнув рукой, я повер-

нулась к последнему ящику и улыбнулась. Профессор Чалых рекомендовал мне не использовать улыбку без особой необходимости, но это получилось непроизвольно и очень естественно. Думаю, в данной ситуации умение продемонстрировать искренность и вызвать доверие было важнее правил этикета, в верности которых мы к тому же не были уверены.

– Ну а в последнем ящике, – сказала я, – мы собрали лучшие экземпляры современного искусства. Здесь вы найдёте и голограммные изображения динамичных скульптур ультрапафосного периода; и коллекцию топов герцевой музыки, записанной специально для вас на портативные носители с солнечными батареями; и даже пальцевые украшения по типу древних колец, созданные из самой настоящей стали!

Я победоносно обвела представителей этноплемени торжествующим взглядом, так как знала, что в их культуре особо высоко ценится использование натуральных материалов для украшения тел и одежды – ведь они не располагали технологиями виртуальной реальности.

– И вот мы смиренно просим вас принять эти ценные дары от лица всех жителей СтарСити.

Я поклонилась, сделала шаг назад и подняла глаза на предводителя племени.

– О глубокоуважаемый предводитель, – обратилась я со всей возможной учтивостью в голосе и опять покорно опустила взгляд, – в этот раз мы не просто делимся с вашим племенем нашими дарами. Мы также смеем просить вас об ответной услуге. Вы, возможно, знаете, что грибные культуры имеют огромное значение в пищевой промышленности как у вас, так и у жителей всего Кумпола, являясь основным источником белка и многих микроэлементов. Принимая во внимание огромный опыт, который этноплемена имеют в выращивании грибных культур, наша команда учёных от лица всего СтарСити просит вас поделиться с нами ценными знаниями в этой сфере, позволить нам осмотреть непосредственные места выращивания съедобных культур, взять пробы почвы и удобрений и задокументировать полученные данные. Мы уверены, что также сможем предложить вам полезный обмен опытом с нашей стороны, представить обзор наших технологий и возможности их адаптации к выращиванию в грунте на ваших полях, а также создать канал регулярной поставки удобрений, пестицидов и консервантов, которые успешно применяются у нас уже многие десятилетия. Обмен знаниями поможет нам укрепить отношения и привнесёт много полезного для обеих сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.